

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(57)+94(574)''15-16''
DOI 10.17223/19988613/34/1

Д.Н. Маслюженко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУФИЙСКИХ ОРДЕНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ

Рассматривается вопрос о деятельности суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств в XV–XVI вв. Письменные источники позволяют реконструировать здесь деятельность братств, относящихся к трем тарикатам (Йасавийа, Кубравийа, Накшбандийа), при этом только сейиды первого из них присутствуют в окружении лидеров Тюменского и Сибирского ханств на всем протяжении их существования. Представители этих братств изначально оказывали влияние лишь на культуру и верования клановой аристократии из окружения ханов, но постепенно на протяжении позднего средневековья привели к исламу тюрко-татарские группы юга Западной Сибири.

Ключевые слова: Тюменское ханство; Сибирское ханство; суфийские ордены; исламизация Западной Сибири.

В период позднего средневековья большинство тюрко-татарских групп на юге Западной Сибири приняла ислам. В значительной степени начало этому процессу было положено соответствующей религиозной практикой на территории Улуса Джучи (Золотой Орды), северо-восточной периферией которого была Сибирь, находившаяся под управлением потомков Шибана, младшего брата Бату. В XV–XVI вв. сибирские Шибаниды основали два государства – Тюменский (1429–1510-е гг.) и Сибирский (1563–1610-е гг.) юрты, которые в российской историографии традиционно называются ханствами. Исламизаторская деятельность на этой территории связывается с представителями суфийских орденов, среди которых главную роль играли сейиды из тарикатов Йасавийа и Накшбандийа [1. С. 158].

Авторы исследований по истории сибирского ислама чаще всего опираются на комплекс сибирских манускриптов, в том числе на текст «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири» и списки шаджара сибирских суфиев. Однако, по мысли А.К. Бустанова, содержащаяся в них «легенда об исламизации Сибири – всего лишь образ того, как хотели видеть процесс распространения истинной веры мусульманские ученые XVII–XVIII вв.» [2. С. 225]. При всей распространенности этого сюжета на юге Западной Сибири датировка самого события похода 366 шейхов как начальной даты исламизации населения региона достаточно спорна. Попытка отсчитывать историю ислама в регионе от конкретной даты в этих текстах, как и построение строго логичного исторического рассказа об этом, в равной степени обречены, в частности по той причине, что они содержат абсолютно разновременные сюжеты. В тексте упоминаются одновременно представители двух орденов – Йасавийа и Накшбандийа, причем первые явно подчинены второму, что могло оформиться не ранее второй половины XVI в., а указанные в текстах как современники политические и религиозные деятели в реально-

сти широко разбросаны по хронологии от середины XII до конца XIV в. Часть событий может относиться как к последней четверти XV в. в контексте борьбы тюменского хана Ибрахима и узбекского оглана Мухаммеда Шейбани, так и даже к периоду исламизации при хане Кучуме [3. С. 96–97]. Очевидно, что создатели шаджара творчески конструировали историческую действительность, вписывая в нее абсолютно разные по времени события.

Цель данного исследования – анализ имеющейся в письменных источниках информации, которая иногда носит косвенный характер, по вопросу хронологии присутствия конкретных представителей суфийских братств в окружении ханов из династии Шибанидов на территории Тюменского и Сибирского ханств.

При этом вопрос о времени формирования сибирской исламской уммы до сих пор не имеет точного ответа. На данный момент с определенной долей вероятности ее наиболее ранние следы вряд ли уходят далеко за пределы XII в., когда группы кыпчаков и канглов, служившие в государстве Хорезм-шахов, принимают в Средней Азии ислам. Кочевья этих двух групп были расположены в Северном Казахстане, и их отдельные роды заходили в западно-сибирские лесостепи [4. С. 445–446]. В условиях начавшегося после 1206 г. монгольского завоевания степной зоны они искали на бывшем крайнем севере своих владений убежище. По всей видимости, все они были суннитами и признавали ханафитский мазхаб, что способствовало сохранению местных традиций и обычаев в качестве адатов. При этом в Хорезме была чрезвычайно популярна поэзия одного из первых мусульманских мистиков, тюрка по происхождению, суфия Ходжи Йасави, основателя тариката Йасавийа [5. С. 37].

Более активная политика в этом направлении связана уже с политикой сарайских правителей начала XIV в., в частности хана Узбека, принявшего в начале своего правления ислам. Его ближайшее окружение, следуя примеру хана, также начинает переходить в но-

вую веру и распространять ее в своих улусах, как поступали и ордынские полководцы из династии Шибанидов. Так, Махмуд бен Вали в своем сочинении отмечает следующее: «Когда круг вращения жизни Джочи-Бука замкнулся в центре кончины, старший из его сыновей Бадагул-оглан утвердился на троне правления. Холодной водой справедливости и правосудия он заставил осесть пламя смуты и волнений, разгоревшееся на той территории. Сверканием разящего меча, несущего огонь, он изгнал со всей территории страны мрак угнетения, сгустившийся в той области... (но) свеча жизни... была задута [взмахом] края вражеского рукава» [6. С. 348]. Все это, с точки зрения автора-мусульманина, могло отражать роль этого оглана в исламизации той части Золотой Орды, которая была передана под управление потомкам младшего брата Бату Шибана, т.е. территории юга Западной Сибири. Хотя датировка правления этого Шибанида весьма условна, по счету поколений ее можно отнести к концу XIII – началу XIV в., т.е. к периоду религиозной реформы Узбека. В силу самого характера религиозной политики постмонгольских государств, придержащихся терпимости в этом вопросе в отношении своих подданных, сомнительно, чтобы принятие ислама приобрело массовый характер за пределами городских центров и ханских ставок, где непосредственно присутствовали сейиды, ходжи и иные представители суфийских братств.

Исламизация в Улусе Джучи при хане Узбеке традиционно связывается с деятельностью сейидов суфийского тариката Йасавийа из Средней Азии (центр в г. Туркестан). Одними из главных фигур в этом процессе были легендарные ходжи и накибы Сайид-Ата и Занги-Ата из Хорезма, наследника Ходжи Ахмада ал-Йасави [1. С. 61–73; 7. Р. 101–102]. Сайид-Ата во многом выступает легендарным исламизатором всего Дешт-и-Кыпчака. В Западной Сибири, в свою очередь, также хорошо известны мюрид основателя тариката Хаким-Ата (Сулейман Бақыргани из Ургенча) и его ученик Занги-Ата. С фигурой Хаким-Ата связана так называемая «Баишевская астана», а деятельность описана в «Грамоте хранителя Юрумской астаны», иных текстах о приходе в Сибирь из Бухары 366 шейхов, а также в агиографических легендах, записанных в юртах Баишевских [8. С. 55–56]. Упоминание этих лиц в большинстве сибирских текстов явно свидетельствует о значительной роли шейхов и сейидов суфийского братства Йасавийа, хотя сама информация именно о золотоордынском этапе исламизации юга Западной Сибири носит лишь косвенный характер. На данный момент документы не дают четких оснований для реконструкции процесса исламизации региона именно в XIV в., кроме соотнесения их с синхронными процессами в целом на территории Золотой Орды.

Более точные указания на конкретных сейидов имеются относительно времени правления ханов Тюменского и Сибирского юртов. Первым ханом, взо-

шедшим на престол в Чимги-Туре, был Абу-л-Хайр, чье воцарение произошло в 1429 г. при поддержке значительного числа племенных лидеров. Д.М. Исхаков указывает, что «Шибанидское государство с самого начала формирования было мусульманским ханством, а верховный правитель кочевых “узбеков” Абу-л-Хайр был настоящим мусульманином» [1. С. 150]. Эта позиция была поддержана и в недавней совместной работе А.Г. и И.А. Селезневых и И.В. Белича [8. С. 28–29]. Как правило, доказательств этого не приводится, факт воспринимается априори. В поддержку данной версии может быть указано присутствие при дворе хана сейидов, чтение хутбы на имя хана в Орду-Базаре. Хотя в период его правления сохранялось некоторое количество политических и повседневных кочевых тюрко-монгольских традиций, которые, видимо, воспринимались как адаты. В ханском окружении значительным было число людей, имевших показательные приставки к именам типа «Суфи», «Дервиш» и «Шайх». Трое из них упоминаются в окружении Абу-л-Хайра еще периода его казначества (найманы Шайх-Суфи и Ак-Суфи, тубай Мумин-Дервиш). Еще шестеро присоединились уже в период могущества хана, т.е. после восшествия на престол, причем среди них было трое огланов, один из которых имеет сложное имя Шайх-Суфи. По всей видимости, они были близки по смыслу и обозначали непосредственную принадлежность именно к суфийским братствам, скорее всего, с учетом популярности в степной зоне все они были представителями тариката Йасавийа [9. С. 121–134].

Наиболее важным аргументом исламизации являются не столько имена представителей племенной аристократии, сколько присутствие в окружении Абу-л-Хайра Кара-сейида и Кул-Мухаммед-сейида, которые выполняли как религиозные, так и консультативные и даже военные функции, в том числе непосредственно участвуя в отдельных походах хана. По мнению известного специалиста по истории ислама Девина Де Виса, они принадлежали именно к тарикату Йасавийа. При этом представители ордена часто занимали пост накиба, особенно в Ургенче, что подчеркивало их военный функционал [10. Р. 619–620]. В историографии указывается, что эти сейиды были еще участниками курултая по выборам хана в 1429 г., однако это подтверждается лишь одним поздним источником «Тарихи и Абу-л-Хайр-хани» Кухистани (1540-е гг.). В более ранних сочинениях («Таварих-и гузида-йи Нусратнаме» (1502–1504 гг.) и «Шейбанинаме» (1504–1510 гг.) среди участников данного мероприятия не указываются. Список Кухистани был сконструирован автором на основании перечней сподвижников хана Абу-л-Хайра в дальнейших событиях. Резонно предположить, что оба сейида могли присоединиться к хану уже в ходе расширения его среднеазиатских интересов и походов на Хорезм в 1430-е гг. [9. С. 123–124]. Для Кухистани поддержка сейидов в процедуре выборов

хана необходима была в рамках сакрализации этого процесса и могла рассматриваться как обязательная в силу переноса на нее правил аналогичных церемоний его времени.

Однако Мухаммад Юсуф Мунши в сочинении «Мухим-ханская история» указывает на то, что после подчинения Хорезма этому хану покровительствует Маулан-Хусейн-и-Хорезми, потомок Наджм-ад-Дина Кубрави, основателя тариката Кубравийа [11. С. 48]. Упоминание о представителях этого влиятельного в Средней Азии братства в окружении хана Абу-л-Хайра с осторожностью позволяет предположить возможное участие его представителей в процессе исламизации населения юга Западной Сибири. Это не противоречит и имеющимся указаниям на участие шейхов этого тариката в целом в процессе исламизации территории Улуса Джучи в предшествующее время.

Очевидно, что эта деятельность к последней четверти XV в. привела к закреплению ислама в среде местной аристократии, что видно, например, по именам представителей династии сибирских беков Тайбугидов (Ходжа, Мар или Умар, Адер, Мамет). Хотя степень принятия ислама рядовыми группами местного населения, которое было сибирским аналогом «безмолвствующего большинства» Западной Европы, фактически не может быть уточнена без поиска и изучения мусульманских кладбищ этого времени. Напрямую подчеркивал свою принадлежность к исламу и один из противников Абу-л-Хайра тюменский хан Ибрахим (1467–1495), который в переписке с Москвой называл себя «бесерменским царем» [12. С. 18]. В период конца 1480-х – начала 1490-х гг. в окружении этого хана упоминаются представители казанской знати. Наиболее подробный их перечень содержится в одном из писем Ибрахиму от московского князя Ивана III в 1490 г.: «...нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат» [Там же. С. 21]. Косвенные данные позволили Д.М. Исхакову предположить, что казанские сейиды также были в основном из тариката Йасавийа [1. С. 92–94]. При всех известных торговых контактах сибирских государств с Казанским ханством и возможным влиянием именно местных мусульман на принятие ислама в Сибири источники показывают присутствие казанских сейидов лишь при дворе тюменского хана Ибрахима, а также, возможно, при его брате хане Мамуке, т.е. лишь в период 1480–1490-х гг. При этом их присутствие было вынужденным под действием активизации русского влияния на казанские дела.

Следующее по времени упоминание о присутствии сейидов из суфийских орденов на юге Западной Сибири имеются лишь для 1570-х гг., т.е. времени правления в Сибирском ханстве двух братьев – Кучума и Ахмед-Гирея. К этому времени влияние суфиев здесь было достаточно велико. Например, жена Бекбулата, бра-

та искерского бека Едигера Тайбугида, родила сына Сейдяка в Бухаре в доме местного сейида [13. Т. 1. С. 192], где она оказалась после восхождения на сибирский престол Кучума. В 1572 и 1574 гг. этот правитель дважды обращался к своему родственнику и союзнику бухарскому хану Абдулле II с просьбой организовать мусульманские миссии в Сибирь. Мотивация этой просьбы была в желании Кучума получить наставников в вере, хотя миссионерская деятельность и женитьба одного из лидеров второй миссии Дин-Али-ходжи на дочери Кучума говорят о создании на основе ислама идеологии этого государства. При этом, хотя послы Кучума обратились непосредственно в Бухару, миссия собиралась в Ургенче, подчиненном на тот момент Хиве. По всей видимости, согласование миссии шло не по линии светской власти, а именно через суфийские братства. Бухарский хаким Ходжа-Якуб по просьбе хана обратился к своему родственнику ургенчскому хакиму Хан-сайиду-ходже. Возможно, что уже первую миссию сопровождал (или, по крайней мере, участвовал в подготовке) старший брат Кучума Ахмед-Гирей, который, впрочем, здесь пробыл не более года, уехав обратно по причине необходимости принять юрт из рук умершего отца [Там же. С. 195].

Спустя два года после начала миссии приехавший хаким Ярым-сейид умер, а Шербати-шейх вернулся в Ургенч. В результате этого Кучум обратился в 1574 г. в Бухару с новым письмом с аналогичной просьбой. В Ургенче вновь собрали миссию во главе с тем же Шербати-шейхом и Дин-Али-ходжей, младшим братом Ярым-сейида. В Бухаре они для защиты в связи с опасной дорогой получили в помощь 100 человек во главе с Ахмед-Гиреем [14. С. 51–60].

Сам бухарский хан Абдулла пришел к власти в 1557 г. при прямой поддержке лидера суфийского тариката Накшбандийя Мухаммада Ислама, известного также как Ходжа Джуйбари [11. С. 59]. По всей видимости, именно об этом шейхе пишет Э. Дженкинсон, побывавший в Бухаре 23 декабря 1558 – 8 марта 1559 г.: «В Бухаре есть духовный глава (metropolitane), который наблюдает за столь строгим исполнением этого закона. Его больше слушают, чем короля; он может сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию, как он и поступил относительно того короля, который царствовал во время нашего пребывания, относительно его предшественника, смещенного его же стараниями: он предал его и приказал убить его ночью в его спальне; а это был государь, хорошо относившийся ко всем христианам» [15. С. 182]. Резонно предположить, что в таком случае и мусульманские проповедники, посланные в Сибирь, должны были происходить из этого тариката, который был основан Мухаммедом Бахаудином Накшбанди аль-Бухари в конце XIV в. под значительным влиянием идей братства Йасавийа [2. Т. 11. С. 214].

Такому выводу о происхождении не противоречат и данные трактата «О религиозных войнах учеников

шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», где поход был организован именно основателем этого тариката. По всей видимости, в середине XVI в. связь между этими братствами была достаточно тесной, хотя накшбандийа постепенно оказывало все большее влияние на своего предшественника, в том числе и благодаря поддержке среднеазиатских Шейбанидов. При этом среди участников похода значительным было число учеников Занги-бабы и Сайид-Ата из братства Йасавийа. Также относительно Дин-Али-ходжи и Ярым-сейида в трактате «Шаджара Рисаласи» однозначно указывается на их происхождение от Сейида-Ата, т.е. относит их к тарикату Йасавийа. А.К. Бустанов предположил, что они могли бежать в Сибирь к Кучуму именно в связи с конфликтом и расширением сферы влияния своих конкурентов [16. С. 59]. Однако источник не дает основания для подобного вывода, а, напротив, говорит о согласованной позиции двух орденов по отношению к процессу исламизации населения Сибирского ханства в правление Кучума. К тому же, по данным Девина Де Виса, после смерти Ходжи Джуйбари накибом и шейх аль-исламом при хане Абдулле был наследник именно Сейида-Ата Хасан Ходжа [10. Р. 622]. Так же, как при Ибрахиме, при Кучуме могли находиться и абызы, т.е. мусульман-

ские священники, из Казани, о чем сообщает «Ремезовская летопись», хотя Г.Ф. Миллер считает это сообщение сомнительным [13. С. 195]. Если признать это сообщение хотя бы частично отвечающим действительности, то следует предположить, что при дворе Кучума могли оказаться представители мусульман, бежавшие от русских.

Таким образом, на протяжении XV–XVI вв., т.е. времени исламизации тюрко-татарских групп юга Западной Сибири, присутствие сейидов в окружении местных правителей позволяет говорить о наибольшей активности деятельности представителей тариката Йасавийа. Они фиксируются в Тюменском и Сибирском юрте на протяжении всего указанного периода, а по косвенным данным и в XIV в. В отдельные периоды в этом процессе могли принимать участие шейхи и сейиды из братств Кубравийа (при тюменском и узбекском хане Абу-л-Хайре в 1430-е гг.) и Накшбандийа (в период правления хана Кучума и его брата Ахмед-Гирея в 1470–1480-е гг.). В большинстве случаев все известные сейиды в окружении ханов происходили из городов Средней Азии, наличие казанских мусульман при Ибрахиме и, возможно, Кучуме фиксируется лишь как вынужденные случаи бегства от русской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.
2. Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2009. Т. 11.
3. Маслоуженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008.
4. Костюков В.П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс.н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.
5. Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. пособие. Казань, 2013.
6. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.
7. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
8. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.
9. Маслоуженко Д.Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3 (5).
10. DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. 115. 4 (1995).
11. Муниш Мухаммед Юсуф. Муким-ханская история / пер. и прим. А.А. Семенова. Ташкент, 1956.
12. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. I.
14. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. 1897. Вып. 8.
15. Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
16. Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в Древности и Средневековье. М., 2011.

Maslyuzhenko Denis N. Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

THE SUFI ORDERS ACTIVITIES ON THE TERRITORY OF TYUMEN AND SIBERIAN KHANATES.

Keywords: Tyumen khanate; the Siberian khanate; the Sufi order; the Islamization of Western Siberia.

The author considers a question of the Sufi orders activity on the territory of Tyumen and Siberian khanates in the XV–XVI centuries. Written sources made it possible to speak about the almost constant presence of sayyids, representing various Sufi brotherhoods, in the entourage of Tyumen and Siberian khans. Circumstantial data demonstrate the tendency formed in the period of inclusion of the south of Western Siberia in the Ulus of Jochi (the Golden Horde) as the inheritance of the Shiban descendants. The active Islamization which began here under the khan Uzbek upon the direct influence of the Central Asian tariqat of Yasaviya should affect the aristocracy throughout the Ulus. During the reign of the first Tyumen Khan Abu-l-Khayr after the military expedition to Khorezm in his entourage were Kara-Sayyid and Kul-Mohammed-Sayyid, carried out both religious and advisory and even military functions, including direct participating in several Khan's campaigns. They also belonged to the tariqat of Yasaviyya, whose members often held the post of Naqib, especially in Urgench, which emphasized their military functional. However, in the Khan's entourage were also representatives of the

brotherhood of Kubrawiya. Islamization conducted by the brotherhoods, to the last quarter of the fifteenth century led to the consolidation of Islam among the local aristocracy, as can be seen, for example, in the names of the dynasty of Taibugides. Tyumen Khan Ibrahim (1467–1495) also emphasized his affiliation to Islam in the correspondence with the Princes of Moscow. In recent years of his reign for the first time for South-West Siberia only Kazan sayyids of the tariqat of Yasaviyya were detected. However, their stay in Tyumen was temporary and compulsory because of the influence of active Russian policy in Kazan. Despite their presence in Khan's entourage, even among the clan aristocracy remained a significant number of adats in everyday and political life. Nowadays the degree of influence of Islam on the ordinary population of the Tyumen khanate is impossible to find out exactly. The highest activity among all strata of the Siberian khanate population the tariqat of Yasaviyya implemented during the reign of two brothers: Kuchum and Ahmet Giray in the 1570-ies. Herewith the mission of representatives of the order of Yasaviyya from Urgench to Siberia was formed on the Bukhara Khan Abdullah II's request and direct instruction of Bukhara tariqat Naqshbandiyya leaders, which allows speaking about a coordinated brotherhoods policy on the Islamization of the Northern territories.

REFERENCES

1. Iskhakov D.M. *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [Institute of Sayyds in Ulus of Jochi and the late Golden Horde Turks-Tatar states]. Kazan: Fan An RT Publ., 2011. 228 p.
2. Bustanov A.K. *Manuskripty sufyskikh shaykhov: turkestanskaya traditsiya na beregakh Irtysha* [The Sufi shaykhs manuscripts: the Turkestan tradition on the banks of the Irtysh]. In: *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma* [The ethnography and archaeological complexes: problems of culture and society]. Omsk: Nauka Publ., 2009, vol. 11.
3. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethno-political history of the forest-steppe Tobol in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2008. 168 p.
4. Kostyukov V.P. *Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys.n.e.* [Cultural transformations in the Ural-Kazakh steppe in the first half of II century A.D.]. In: Botalov S.G. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, 2006.
5. Beloglazov A.V. *Vliyaniye islama na politicheskie protsessy v Tsentral'noy Azii* [The influence of Islam on political processes in Central Asia]. Kazan: Kazan State University Publ., 2013. 294 p.
6. Ibragimov S.K. (ed.) *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the history of the Kazakh Khanate in the 15th – 18th centuries (extracted from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, 1969.
7. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania: Penn State Press, 1994.
8. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in the Siberian Islam: The specificity of the universal]. Moscow: Marjani Publ., 2009.
9. Maslyuzhenko D.N. *Turko-Mongol Traditions in the "State of Nomadic Uzbeks" of Abu al-Khair Khan. Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*, 2014, no. 3 (5). (In Russian).
10. DeWeese D. *The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia. Journal of the American Oriental Society*, 1995, no. 4, p.115.
11. Munshi Mukhammed Yusuf. *Mukim-khanskaya istoriya* [Mukim-Khan's story]. Translated by A.A. Semenova. Tashkent, 1956.
12. Buganov V.I., Avtokratova M.I., Lukichev M.P., Rogozhin N.M. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1508 gg.* [The Embassy book on Russia's ties with the Nogai Horde in 1489-1508]. Moscow: Institute for USSR History Publ., 1984. 98 p.
13. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Moscow, 2005, vol. I.
14. Katanov N.F. *Predaniya tobol'skikh tatar o pribytii v 1572 godu mukhammedanskikh propovednikov v g. Isker* [The tales of Tobolsk Tatars of the arrival of Mukhamedan preachers to Isker in 1572]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*, 1897, iss. 8.
15. Jenkinson E. *Puteshestvie v Srednyuyu Aziyu. 1558–1560 gg.* [A travel to Central Asia. 1558–1560]. In: *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in Muscovy in the 16th century]. Moscow: OGIZ Publ., 1937. 306 p.
16. Bustanov A.K. *Sufyskie legendy ob islamizatsii Sibiri* [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Türkological collection. 2009-2010. Turkic peoples of Eurasia in Ancient and Medieval times]. Moscow, 2011.